

лексем. До XX века *простить* означало 'освободить от страданий, болезни, исцелить'. Мы просим о прощении, прощаем должникам нашим, тем самым освобождаемся от негативного, делаем шаг на пути собственного здоровья, исцеляя тело и освобождая душу, то есть соответственно глубинной семантике корня – *выпрямляемся*.

В молитве Н.В. Гоголя, обращенной к Богородице, точкой золотого сечения является слово *молитвенница*, что определяет роль Богородицы как Всеблагой Заступницы и Защитницы. Молитва Святому Сергию Радонежскому имеет средоточием слово *утешение*. В нем ищет человек духовной помощи. Направленная Господу молитва оптинских старцев сосредоточена на *непредвиденных обстоятельствах*, может быть, поэтому она из новых молитв получила наибольшее распространение во дни сомнений и поиска высшей помощи при невозможности контролировать возникшие обстоятельства.

Не претендуя на новизну подхода, авторы считают небесполезным проведенное исследование и надеются, что в дальнейшем применение математических методов к животворящему слову поможет понять суть гармонии молитвенного текста.

В. А. Одиноченко (Беларусь)

ПРОГРАММА РЕЛИГИОЗНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖИЗНИ У Н.В. ГОГОЛЯ

Любые юбилеи – вехи прежде всего в нашей истории. Отмечая то или иное событие, мы соотносим себя с ним. Тем самым оно становится для нас актуальным (от позднелат. *actualis* – действенный), мы оцениваем его в свете тех проблем, которые имеем сейчас. 200-летие со дня рождения Н.В. Гоголя дает возможность заново посмотреть на его творчество, в том числе и как религиозного мыслителя, предложившего программу преобразования жизни русского общества на религиозных началах.

Существует богатая традиция изучения наследия Гоголя в XIX – начале XX века. О нем писали такие разные люди, как В.Г.Белинский, Н.Г.Чернышевский, Ф.М.Достоевский, В.В.Розанов, Н.А.Бердяев. Но все они, в принципе, принадлежали к тому же, что и Гоголь, этапу развития русской религиозной мысли. Для нас же, имеющих опыт XX века, характерен разрыв с традицией, и именно в осознании этого разрыва заключается возможность восстановления связи. Через осмысление дистанции мы познаем специфику творчества писателя, а также соотношение его идей с нынешними проблемами. Наша ситуация – это один из видов ситуации «пост». Мы находимся на постсоветском этапе истории – с незначительными модификациями используются схемы поведения 30-20-летней давности, но при утрате их жизненной силы. В области восприятия религии в целом сохраняется то же положение, которое существовало при Советской власти, – происходит воспроизведение традиционной религиозности (по сути своей языческой) и стремление подчинить религиозные организации интересам государства. При этом у подавляющей части нашего общества почти полностью отсутствует понимание того, что такое христианство и как оно соотносится с жизнью. И в этой обстановке интересно то, как видел Гоголь преобразование жизни русского общества на христианских началах.

Безусловно, Гоголь – гениальный писатель. Про особенность своего дара он писал сам: «Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека... Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее, и которого, точно, нет у других писателей» [1, с.246]. В других словах и в другом аспекте это же качество отметил Бердяев: «У Гоголя было совершенно исключительное по силе чувство зла» [2, с. 253].

Писателю удавались именно те образы, которые обычно определяются как отрицательные. Они обладают в произведениях Гоголя необычайной сочностью и колоритом. Однако это не было следствием жизнерадостности или насмешливого отношения

к недостаткам этого мира. В своих произведениях Гоголь осуждал пороки. В молодости он мечтал быть судьей и приносить этим пользу людям: «Страсть служить была у меня в юности очень сильная» [1, 6, с. 412]. Идея служения – одна из центральных тем в размышлениях Гоголя. Свою писательскую деятельность он также воспринимал как государственное служение.

В этом заключается причина и характер того замешательства, которое испытал Гоголь от восприятия первого тома «Мертвых душ». Очевидно, его самого смутило то, что он написал: «Когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мертвых душ» в том виде, в каком они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия!». Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тут то я увидел, что значит дело, взятое из души, и вообще душевная правда, и в каком ужасающем для человека виде может быть ему представлена тьма и пугающее *отсутствие света*. С этих пор я уже стал думать только о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести «Мертвые души» [1, 6, с. 248].

Писатель ищет положительный идеал, который должен быть выражен во втором и третьем томе. Это отвечало и общим устремлениям Гоголя: «Я люблю добро, я ищу его и сгораю им» [1, 6, с. 250]. Он испытал потребность выразить положительное видение мира. В предисловии ко второму изданию первого тома «Мертвых душ» Гоголь писал, что он создавал его, «чтобы показать недостатки и пороки русского человека, а не его достоинства и добродетели...; лучшие люди и характеры будут в других частях» [1, 5, с. 481].

Создание второго тома «Мертвых душ», в котором Гоголь хотел выразить свой положительный идеал, совпадает по времени с его религиозными исканиями (1836-1840 гг.). Поэтому этот идеал создавался на религиозной основе. Мы судим о нем из сохранившихся фрагментов второго тома «Мертвых душ», из писем этого периода, но, прежде всего, из опубликованных в 1842 году «Выбранных мест из переписки с друзьями», где и была в основном изложена программа преобразования жизни на христианских принципах.

«Выбранные места» были восприняты большей частью русского общества резко отрицательно. Наиболее известным откликом является письмо Белинского к Гоголю, где критик выразил «возмущение тем, что «под покровом религии и защитой кнута проповедуют ложь и безнравственность, как истину и добродетель» [3, с.329]. Однако Белинский, как и большинство других критиков, исходил из социальной точки зрения. Гоголь же рассуждал как религиозный мыслитель. Поэтому он и не понимал, что произошло. В письме Белинскому Гоголь писал: «Как это вышло, что на меня рассердились все до единого в России, этого я покуда еще не могу понять» [1, 7, с. 307].

В «Выбранных местах» многих смутил учительский тон, безапелляционность поучений. Гоголь рассуждал как старец, но при этом не имел того духовного опыта, который необходим для старчества. Он был великим писателем, и его положительный идеал возник как реакция на те пороки, которые он так красочно изобразил в художественных произведениях. В.Зеньковский писал: «Несомненная ранняя у Гоголя **дидактическая тенденция**, частое у него навязывание читателю своих оценок восходило не только к императивам морального сознания, но было связано и с тем эстетическим отталкиванием от людей, которое проявило себя с такой исключительной силой в обрисовке людской пошлости» [4, с. 37].

Следует отметить, что основная тема «Выбранных мест» на самом деле не преобразование человека в соответствии с христианским духом, оно имеет служебный характер в деле преобразования общества. Гоголем была предложена социальная программа «обустройства России», и для этого обустройства использовалось как основа христианство. Причем утверждалось, что это использование является чем-то крайне простым: «Как может чего-либо бояться тот, кто уже постигнул, что нужно действовать повсюду как христианин. Он на всяком месте мудрец, везде знатель дела» [1, 6, с. 302]. Впоследствии сам Гоголь

признавался: «Я... донныне горю от стыда, вспоминая, как заносчиво выразился во многих местах, почти а la Хлестаков») [1, 7, с. 301]. Действительно, многие места «Выбранных мест» и писем Гоголя этого периода напоминают речи главного героя «Ревизора».

Однако вопрос не в том, чтобы указать на промахи великого писателя. Интерес вызывают те основания, на которых строил свою программу христианского преобразования жизни Гоголь.

Основная ее идея – каждый должен стараться на своем месте: «Всякому теперь кажется, что он мог бы наделать много добра на месте и в должности другого, и только не может сделать его в своей должности. Это причина всех зол. Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро. Поверьте, что Бог не даром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит. Нужно только хорошо осмотреться вокруг себя» [1, 6, с. 181].

Кажется, что это согласуется с указанием апостола Павла: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван [1 Кор. 7, 20]. Но Павел говорил об апокалипсическом ожидании второго пришествия Иисуса Христа и рассуждал в свете принципа «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» [Мф. 22, 21]. Кроме того, одним из основных принципов христианского поведения является свобода. «К свободе призваны вы, братия» [Галл. 5, 13].

Гоголь же говорил о государственном служении и самопожертвовании во имя его: «У редкого из нас доставало столько любви к добру, чтобы он решился пожертвовать из-за него и честолюбьем, и самолюбьем, и всеми мелочами легко раздражающегося своего эгоизма и положил самому себе в непременный закон – служить земле своей, а не себе» [1, 6, с. 244].

Гоголь постоянно делает упор на необходимость исполнения закона. Но идея закона – не христианская идея. Она лежит в основе иудаизма, именно в нем исполнение договора между Богом и евреями – центр всего. В христианстве же «независимо от закона, явилась правда Божия... через веру в Иисуса Христа» [Рим. 3, 21]. Но у Гоголя даже не иудейский закон, поскольку у иудеев он касается отношений с Богом, у Гоголя же – социальных отношений. Мы здесь скажем, что в религиозной сфере существует ограниченный (многочисленный, но не бесконечный) набор схем рассуждений. Схемы рассуждения, которым следовал Гоголь, наиболее отвечают религии, созданной в VI веке до нашей эры в Китае мудрецом Кун-цзы (Конфуцием). Это также была программа преобразования жизни на религиозных началах. Основная идея ее – так называемое восстановление имен: «Правитель должен быть правителем, а подданный – подданным, отец – отцом, а сын – сыном», каждый должен находиться на своем месте и исполнять свой долг. Именно идея долга (*ли*) – центральная в конфуцианстве.

Ни в коем случае мы не говорим о приверженности Гоголя конфуцианству, но указываем на похожесть схем рассуждений. Например, в отношении к императору. Император в Китае выполнял не столько социальную, сколько культовую роль. Он считался Сыном неба, ответственным только перед ним. А вот что пишет Гоголь: «Разберем, что такое монарх вообще, как божий помазанник, обязанный стремиться вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает Бог... Тот из людей, на рамена которого обрушилась судьба миллионов его собратьев, кто страшную ответственность за них пред богом освобожден уже от всякой ответственности пред людьми, кто болеет ужасом этой ответственности и льет, может быть, незримо такие слезы и страждет такими страданиями, о которых и помыслить не умеет стоящий внизу человек, кто среди самих развлечений слышит вечный, неумолкаемо раздающийся в ушах клик божий, неумолкаемо к нему вопиющий, – тот может быть уподоблен древнему боговидцу» [1, 6, с. 209].

На все это Белинский заметил: «Когда европейцем, особенно католиком, овладеет религиозный дух, он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим беззакония сильных земли. У нас же наоборот: постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей психиатров под именем *religiosa mania*, он тотчас же земному богу подкурит более, нежели небесному, да еще так хватит через край, что тот и хотел бы его наградить за рабское усердие, да видит, что этим окомпрометировал бы себя в глазах общества...» [3, с. 362].

Гоголь соглашается с тем униженным состоянием, в котором находилась тогда православная церковь в России. В письме к А.П. Толстому (будущему обер-прокурору Синода) называет нелепостью утверждение, «будто духовенство у нас вовсе отстранено от всякого прикосновения с жизнью уставами нашей церкви и связано в своих действиях правительством. Духовенству нашему указаны законные и точные границы в его соприкосновении со светом и людьми» [1, 6, с. 202]. Тем не менее Гоголь возлагает на Русскую православную церковь большие надежды: «Эта церковь, ...которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести неслыханное чудо в виду всей Европы, заставив у нас всякое сословье, званье и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала» [1, 6, с. 201-202].

Здесь у Гоголя присутствуют не столько размышления, сколько вопрос о будущем России. Ключом к пониманию этого вопроса являются заключительные страницы первого тома «Мертвых душ»: «Русь, куда же несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства» [1, 5, с. 233].

Христианское будущее России Гоголь видит в ее неопределенности: «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. «Хуже мы всех прочих» – вот что мы должны всегда говорить о себе. Но есть в нашей природе то, что нам пророчит это. Уже само неустройство наше нам это пророчит. Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму, еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней» [1, 6, с. 368].

Характеризуя «выбранные места», В.Зеньковский писал: «Гениальны лишь темы, затронутые Гоголем в его книге... Но одно дело – постановка вопросов, другое – их разработка» [4, с. 19-20]. Для творчества Гоголя характерен разрыв между гениальными и сочными художественными образами и плоскими морализаторскими идеями. Ценность для нас представляют религиозные поиски великого писателя.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Гоголь, Н.В. Собрание сочинений в семи томах. Т. 1-7./ Н.В. Гоголь. – М.: «Художественная литература», 1984 -1986.
- 2 Бердяев, Н.А. Духи русской революции // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.: «Правда», 1991. – С. 250-289.
- 3 Белинский, В. Г. Письмо к Гоголю // В.Г. Белинский о Гоголе. Статьи, рецензии, письма. – М.: ОГИЗ, 1949. – С. 358-367.
- 4 Зеньковский, В. Гоголь /В. Зеньковский. – М.: РФИ «Слово», 1997. – 224 с.

Л. С. Король (Україна)

ТАНАТОС В АСПЕКТІ ФІЛОСОФСЬКО-ХУДОЖНЬОЇ РЕФЛЕКСІЇ

В кінці ХХ століття спостерігаються певні тенденції до відродження духовності українського народу, повернення його традиційної духовної спадщини. Виходячи з потреби сприяння цього процесу, потрібно насамперед проаналізувати значні здобутки духовної сфери людського буття, деякі сторони ментального життя. Протягом багатьох віків духовна історія й духовні надбання нашого народу використовувались (та й використовуються і тепер) на потребу різних етно-політичних утворень, що не були власне українськими або такими, що ставили б інтереси українського масиву на перше місце. Часто ми є пасивними спостерігачами таких процесів і не намагаємось повернути собі власні культурні здобутки.